*З. А. Харитончик, д. филол. н.
Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
e-mail: zkharitonchik@mail.ru*

*Z. A. Kharitonchik, Doctor of Sc. (Philology)
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
e-mail: zkharitonchik@mail.ru*

О СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ИЛИ СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА

В центре работы – лексические средства создания словесного портрета человека, использование которых диктует актуализацию потенциальных компонентов их семантики, извлекаемых под влиянием контекста из знания объектов окружающего мира и их атрибутов.

Ключевые слова: словесный портрет; семантический потенциал; знание; контекст; актуализация.

ON THE SEMANTIC POTENTIAL OF LEXICAL UNITS, OR THE VERBAL PORTRAIT OF A HUMAN BEING IN THE MIRROR OF THE ENVIRONMENT

The paper is centered on lexical means of the human verbal portrait creation the contextual use of which necessitates the actualization of their potential semantic components out of the wealth of knowledge of the environment and its attributes.

Key words: verbal portrait; semantic potential; knowledge; context; actualization.

Дескрипция человека в ответ на потребности социального взаимодействия в самых разных его областях с древнейших времен является важнейшей составляющей практики повседневного общения. Наиболее совершенные свои формы она приобрела в литературе в виде словесного портрета,

направленного как на описание внешности человека, так и раскрытие его внутреннего мира. Сложившиеся к настоящему времени стратегии словесного портрета в соответствии с его разными функциями (идентифицирующей, характеризующей, аналитической и т. д.), ориентированы на выработанные схемы-фреймы дескрипции (например, внешний облик, включающий описание фигуры, лица, одежды и другие поведенческие характеристики (движения, жесты, манеры и под.), моральные свойства и пр. в художественной литературе; ср. также разработанную в криминалистике и широко используемую систему описания внешности человека, которая включает анатомические (общефизические), функциональные признаки, особые приметы и др.). В соответствии с фреймами описания стандартных и индивидуальных характеристик человека в языковых системах сложились наборы лексических средств, позволяющих с большей или меньшей точностью и глубиной отразить внешние и внутренние свойства личности. В центре этих наборов – собственно наименования тех или иных признаков, характеризующих человека, его внешность в целом или отдельные ее аспекты, типа имен прилагательных-цветообозначений, используемых для описания цвета глаз в русском языке (*голубые, черные, зеленые, карие* и т. д.), формы и размера носа (*прямой, вогнутый, большой, малый* и др.), длины, формы, цвета волос (*длинные, короткие, прямые, курчавые, русые, рыжие, чёрные* и под.) и иных свойств внешнего облика человека.

В фокусе нашего внимания – семантический потенциал лексических единиц, хранящих в своих значениях огромное богатство латентных, потенциальных семантических компонентов, актуализируемых в разных семантических и синтаксических контекстах и позволяющих необозримо расширить палитру языковой дескрипции человека, сделав ее наиболее точно отражающей индивидуальные характеристики человека. Опираясь на знание мира в поиске адекватных описаний тех или иных характеристик человека, художники слова апеллируют к окружающей действительности – известным личностям (родителям, актерам, политикам и т. д.), животным, артефактам, природным объектам, веществам и под., путем явного или скрытого сравнения с которыми высвечиваются необходимые для словесного портрета искомые свойства. Так, цвет глаз позволяют уточнить отсылки в той или иной форме к сущностям, салиентным признаком которых является их цвет: живым существам (*глаза зелёные, змеиные; глаза, чуть зеленоватые, как у лягушки; феноменально зелёные, тигриные глаза; глаза твои голубинные;*), веществам (*чёрные, как бархатный уголь, глаза; взглянула в глаза Полине Ивановне и где-то, в их каменноугольной черноте; темно-шоколадные глаза; тёмно-коричневые, «шоколадные» глаза; цинковые строгие глаза; её большие, голубые, эмалевые глаза; глаза смелые и светлые, как вода*), растениям и их плодам (*глаза его темно-виноградного цвета; глаза были отнюдь не тихие медовые, а черносмородинные*), природным явлениям (*И глаза у него были грозowego, голубиноного цвета*) и т. д. (Прим. Здесь и далее приведены в сокращенной форме примеры, извлеченные из Национального корпуса русского языка). Аналогичным образом получают уточнение и форма глаз,

и их положение на лице, и выражаемое в глазах состояние человека (ср.: *глаза старика смотрели в разные стороны и были круглыми, как у карася; несколько косо, по-кошачьему, расставленные глаза; пуча по-рыбьи глаза; зеркалом души – мутные глаза снулой рыбыны; глаза у него были, как у очень умной собаки; голодные глаза Шейнина* и др.).

Специфика описываемых признаков у тех или иных компонентов портрета диктует и своеобразие классов лексических единиц, используемых для словесной дескрипции. Для описания формы носа в русском языке, например, характерны сравнения с формой клюва птиц (*длинный птичий нос, длинный нос* клювиком, *нос* выгнулся клювом орла, *желтоватый ястребиный нос, орлиный носик* при ней, *маленький голубиный носик* и под.), плодов растений, грибов (*нос* корявой картофелиной, *висячий, бульбою, нос, нос с грушу, тяжелый нос* сливой, *нос* брюквой, *грибовидный его нос*), обуви (*нос* башмаком, *нос – туфлей*), известных литературных персонажей (*нос* как у Буратино) и др.

Подобная стратегия часто позволяет выразить в синкретичной форме не только информацию о каком-то одном свойстве описываемого портрета, но одновременно о целой гамме его свойств (цвете, форме, размере и т. д.). Создание таким способом более целостной картины портрета по сравнению с отдельной характеристикой ставит порою перед декодирующими задачу самим разрешать семантическую неопределенность подобных отсылок, как это наблюдается в следующих контекстах: *глаза-то у вас батюшкины; его аленделоновские глаза; бодлеровские глаза; глаза как большие чёрные вишни; спокойные ореховые глаза; ореховые круглые глаза; волчьи глаза доцента; глаза, как у жабы; глаза ... у него были острые, быстрые, мышинные; нос его походил на песчаную дюну, огромный нос, похожий на обломок скалы; головка репкой; нос трубой, телеса крепенькие, как брюква, мозги жидкие, как вокзальные цы и под.*

Очевидно, что для успешного распознавания выражаемых смыслов требуется знание атрибутов объектов окружающего мира, хранимое в концептуальных структурах нашего сознания и актуализируемое под влиянием контекстуальных условий бесчисленных коммуникативных ситуаций. Налицо также гибкая приспособляемость (*flexible adaptability*) лексических единиц, значения которых никоим образом не исчерпываются семантическими компонентами их словарных дефиниций. Огромный семантический потенциал (*meaning potential*) языковых форм, заложенный в связываемых с ними концептуальных структурах, обеспечивает не только экономию и безграничное богатство языковой лексической системы, но закладывает основания для успешного конструирования [1, с. 79] конкретного смысла языкового выражения в контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Fauconnier G., M. Turner. Polysemy and conceptual blending // Polysemy: Flexible Patterns of Meaning in Mind and Language. Ed. Brigitte Nerlich, Zazie Todd, Vimala Herman, David D. Clarke. Berlin-New York : Mouton de Gruyter, 2003. P. 79–94.